

УДК 94(47). 925

*П.А. Мистрюгов**

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И САМАРСКАЯ ЕПАРХИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1918–1922 ГГ.

В статье рассмотрена эволюция протестов духовенства от открытых политических выступлений против советской власти в 1918 г. до умеренного противодействия социально-экономическим преобразованиям в 1919–1922 гг.; показаны методы церковной политики советской власти и выявлена роль ГПУ в расколе Самарской епархии.

Ключевые слова: Самарская епархия, КОМУЧ, голод, прогрессисты, ГПУ.

В годы Гражданской войны происходит трансформация института Русской Православной Церкви (далее – РПЦ). Церковь законодательно отделяется от государства, церковнослужители принимают активное участие в социально-политических и военных событиях. Однако характер взаимоотношений с советской властью является недостаточно изученной и дискуссионной темой в отечественной историографии [2; 3; 17]. Рассмотрение этих аспектов позволит выявить как положение церкви в обществе, так и методы советского управления. Документальная база местных архивов, несмотря на фрагментарность и рассеянность источников в огромном массиве делопроизводственной документации органов власти и управления, позволяет решить актуальные вопросы взаимоотношений структур советской власти и РПЦ от церковных приходов до епархиального управления.

В Самарской губернии развитие взаимоотношений советской власти и РПЦ прошло несколько этапов и включало ряд направлений: 1) июнь–декабрь 1918 г. – захват и освобождение Самары от власти КОМУЧа и внесудебные репрессии органов ГубЧК против духовенства; 2) 1919–1921 гг. – реализация декретов об отделении церкви от государства и изъятии церковных ценностей; помощь РПЦ голодающим; 3) 1922 г. – этап борьбы внутри Самарской епархии между сторонниками власти патриарха Тихона и прогрессистами; раскол епархии, осуществленный при руководящей роли ГПУ.

На протяжении 1918–1922 гг. процесс церковного переустройства в Самарской губернии носил конфронтационный характер, резко поляризуя взаимоотношения власти и духовенства, и, в конечном итоге, определил стратегию поведения самарских церковнослужителей как негативно-протестную, а методы советской власти – репрессивно-судебными. При этом способы протестных действий священнослужителей и реакция власти на каждом этапе их взаимоотношений различались по форме и обществу характеру.

В первой половине 1918 г. начавшаяся реализация положений декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви проходила мирно, без эксцессов. 30 марта 1918 г. дела Духовной консистории были опечатаны, здание взято под охрану; эмеритальная касса отделена от консистории и поставлена под контроль председателя

* © Мистрюгов П.А., 2013

Мистрюгов Павел Алексеевич (Pavel892006@yandex.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

комиссариата призрения; все денежные суммы консистории изъяты. Тогда же был образован городской комиссариат по вероисповедным делам [3, с. 62, 70]. Антисоветские настроения в среде духовенства активизировались в июне 1918 г., когда в Самаре была свергнута советская власть и установлен режим КОМУЧа. Начавшаяся деятельность военно-политических структур новой власти была положительно принята губернскими иерархами РПЦ. В день вступления в Самару чехословацкого корпуса епископ Михаил отслужил благодарственный молебен в Кафедральном соборе и преподал благословение Народной армии КОМУЧа [3, с. 71]. Это усиливало эскалацию насилия над сторонниками советской власти, оставшимися в Самаре. Анализируя обвинительные приговоры ГубЧК и губернского революционного трибунала, а также воспоминания участников военных событий, необходимо отметить, что летом-осенью 1918 г. священнослужители Самарской губернии открыто действовали против советских политических и военных работников. Наиболее распространенными действиями стали выдача красногвардейцев правоохранным и военным органам КОМУЧа, участие в антисоветских выступлениях и занятия агитацией. Сотрудники ГубЧК, руководствуясь законами военно-революционного времени и классовым правосознанием, уличали священников в антисоветской деятельности вплоть до обвинений в «срывании советских объявлений» [6, л. 12; 8, л. 100 об.–103].

В ноябре-декабре 1918 г. после завершения активной фазы военной борьбы советов с комучевцами и чехословаками начались обыски, аресты и расстрелы сторонников «учредилки», оставшихся в Самаре. Проводимые репрессии затронули представителей практически всех социальных групп: крестьян и дворян, буржуазию и мещан, рабочих. В число «контрреволюционеров» были зачислены и представители духовенства Самарской епархии РПЦ. Инициатива проведения расстрелов священнослужителей исходила от уездных органов ГубЧК. В конце 1918 г. всего уездными ЧК Бугуруслана, Бугульмы и Пугачева было расстреляно восемь священнослужителей. Основным мотивом в обвинительных приговорах была различная поддержка власти КОМУЧа. По профессиональной стратификации был один протоирей, двое дьяконов, пятеро иереев. Причем в сводке по Пугачевскому уезду церковнослужитель Хромоногов фигурировал как «наиболее важный расстрелянный преступник» [8, л. 74–74 об., л. 100 об.–103 об.].

Укрепление политических и оперативно-судебных структур советской власти ограничило возможности духовенства для открытых выступлений. Ими еще предпринимались попытки противодействия [14]. Наиболее крупной стало устройство в декабре 1918 г. в Иверском женском монастыре тайника с продовольствием и оружием, предназначенным для антисоветских подпольных организаций [4, л. 22]. Постепенно протестный радикализм священнослужителей становился пассивным по форме и более умеренным по характеру. Выступления против советской власти сменились отказами от реализации социально-экономических преобразований как церковного, так и общественного устройства. Заметим, что внимание священнослужителей было обращено, прежде всего, на общественные изменения институтов брака и образования. Это можно объяснить как уходом в менее опасные для жизни области, так и традиционным влиянием РПЦ в этих сферах до 1917 г. Так, в июне 1919 г. духовенство Самарского уезда отказывалось соблюдать требования «о разводе», что стало предметом обсуждения на заседании Самарского уездного совещания членов народных судов и коллегии правозаступников [12, л. 24]. В 1920 г. церковные приходы занимались обучением детей закону божьему, что однозначно оценивалось властью как «внушение» и выделялось в систему антирелигиозного воспитания [15]. В ходе реализации декрета советской власти об изъятии церковных ценностей в 1921–1922 гг. священнослужители крупных монастырских центров (Покровского и Чагринского

монастырей) скрывали хлеб и церковную утварь и агитировали население отказываться от добровольной сдачи государству ценностей, которые не подлежали изъятию по декрету [7, л. 3; 16; л. 53–54 об.]. Противодействие конфискации церковных ценностей оказывалось не только иереями. Оно поддерживалось местным населением, становясь коллективным протестом. Так, в Чагринском женском монастыре в 1921 г. в укрывательстве хлеба, имущества монастыря, убоя скота и даче взятки сотруднику уездного политбюро участвовало местное население в составе 19 человек [16, л. 53–54 об.]. Однако, как отмечал М.Н. Петров, это были единичные случаи. Чаще всего крестьяне охотно участвовали в конфискации и разделе церковной собственности [1, с. 101].

В 1919–1922 гг. деятельность по подавлению церковного недовольства была сосредоточена преимущественно в оперативных и следственно-судебных органах советской власти. На уровне оперативной разработки она осуществлялась структурами ГубЧК, судопроизводство вели революционные трибуналы [7, л. 2 об.; 10, л. 12, 16; л. 53–54 об.]. При реализации церковной политики официально провозглашалось корректное и вежливое обращение с духовенством [9, л. 18–18 об.]. Наиболее значимые дела, к числу которых относились церковные, имели особенности судопроизводственного процесса. С апреля 1920 г. были установлены ускоренные принципы следствия и суда по делам о кражах церковных ценностей вне всякой очереди. Трибунальная подсудность рассмотрения церковных дел также дополнялась идейно-психологическими целями по развенчанию культа религиозности в сознании крестьянства. Циркуляром НКЮ, изданным в апреле 1920 г., определялось, что данная группа дел должна назначаться к слушанию с участием широких общественных масс [11, л. 77]. Голод начала 1920-ых гг. несколько смягчил взаимоотношения церкви и государства. Постановлением от 5 февраля 1921 г. ВЧК было разрешено функционирование самоучинных организации духовенства и сектантов, которые оказывали помощь голодающим [5, л. 122].

В 1922 г. во взаимоотношениях Самарской епархии и советской власти актуализировались вопросы церковного управления. Перспектива установления Высшего церковного управления (далее – ВЦУ) расколола епархиальное управление на его приверженцев (прогрессистов) и противников (тихоновцев). Тихоновцы стали призывать клир и прихожан к неподчинению ВЦУ, распространяли антисоветские воззвания [7, л. 20, 30, 34]. Среди них были епископ Павел, арестованный по обвинению в распространении «реакционных» воззваний [7, л. 35] и протоирей Архангельский, уличенный в хранении шестнадцати экземпляров копий протоколов собраний казанского духовенства [7, л. 30]. Жители Самары ходатайствовали о досрочном освобождении или временных отпусках для арестованных священнослужителей по «делу епархии» [13, л. 15].

В августе 1922 г. ГПУ приняло ряд мер по укреплению позиций прогрессистского блока в епархиальном управлении. Для убеждения тихоновцев в пользу установления «Живой церкви» было запланировано проведение общедоступных бесед с прогрессистов с «реакционным духовенством» и «народными массами». Параллельно оперативному аппарату поручалось начать выявление «враждебного духовенства» [7, л. 30, 32]. На съезде священнослужителей, проходившем 1 сентября 1922 г., сотрудники ГПУ приступили к реализации данной программы. Группа прогрессистов инициировала совместное совещание с тихоновцами. Предметом внимания его участников стало решение вопроса о признании ВЦУ. В ходе обсуждения большинство собравшихся проголосовало против. ГПУ повлияло на принятие решения о повторном созыве совместного совещания, однако и эта попытка закончилась провалом прогрес-

систов. К концу заседания были временно арестованы наиболее «реакционные» делегаты и занесены в агентурную картотеку [7, л. 39–40].

В сентябре 1922 г., воспользовавшись приездом в Самару уполномоченного от ВЦУ, прогрессисты в административном порядке постановили «протихоновский» совет распустить и сформировать из движенческой группы новый состав. 14 сентября 1922 г. обновленный епархиальный совет принимал дела. ГПУ оценивало новый состав епархиального управления «...подходящим, так как лица все движенцы» [7, л. 44]. Это означало, что произошел переход епархиальной власти к сторонникам ВЦУ. В сентябре–ноябре 1922 г. происходило дальнейшее укрепление положения прогрессистов.

Осведомители ГПУ наблюдали за поведением прогрессистской группы, ими выявлялись «попы», которые были способны создать левое крыло «Живой церкви» [7, л. 62]. Тогда же была принята специальная анкета. Согласно установленным правилам, члены епархиального управления отрицательно ответившие на вопросы, лишались службы [7, л. 44, 50, 53, 62]. Планировалось проведение кадровых замещений авторитетных священнослужителей – тихоновцев. Так, протоирея Архангельского и протоирея Стрельникова было решено отозвать из Самарской епархии «...после чего легче будет руководить движением духовенства» [7, л. 65, 71]. В ноябре 1922 г. осведомителями осуществлялась работа среди «реакционного духовенства» по компроментации епископа Анатолия [7, л. 69]. Тогда же ГПУ были пресечена попытка распространения копии «Регламента русского епископа» на 1923 г. [7, л. 71]. В условиях отстранения от власти «тихоновцев» прогрессивная группа подала свой устав для регистрации в губернский исполком Совета [7, л. 78].

Подводя итоги взаимоотношений чрезвычайных структур советской власти и Русской Православной церкви, отметим стойкий дисбаланс и отчуждение народа от власти. Радикальное переустройство положения и прав РПЦ встретило сопротивление со стороны большинства духовенства как в центре, так и на местах. Однако во взаимоотношениях советской власти и священнослужителей Самарской епархии имелись особенности, обусловленные их открытой поддержкой КОМУЧа и вызвавшие жесткие репрессии после освобождения Самары. После восстановления советской власти в конце 1918 г. открытая поддержка церковными иерархами противников советской власти сменилась аполитичной реакцией большинства священников на церковно-общественные изменения. В 1922 г. раскол Самарской епархии РПЦ на прогрессистов и тихоновцев во многом был инициирован и проведен органами ГПУ, завершившись победой прогрессистского блока.

Библиографический список

1. Бойко С.И. Деятельность Всероссийской чрезвычайной комиссии в годы Гражданской войны и перехода к новой экономической политике (1917–1922 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Саратов, 2001. 167 с.
2. Кривова Н.А. Власть и церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: «АИРО-XX», 1997. 248 с.
3. Подмарицын А.Г. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственных органов в Самарском регионе: 1917–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Самара, 2005. 252 с.
4. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18.
5. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 496.
6. СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 213.

7. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 726.
8. ЦГАСО. Ф. Р.–81. Оп. 2. Д. 1.
9. ЦГАСО. Ф. Р.–81. Оп. 1. Д. 150.
10. ЦГАСО. Ф. Р.–1868. Оп. 2. Д. 100.
11. ЦГАСО. Ф. Р.–1868. Оп. 2. Д. 177.
12. ЦГАСО. Ф. Р.–1868. Оп. 2. Д. 78.
13. ЦГАСО. Ф. Р.–1868. Оп. 2. Д. 244.
14. ЦГАСО. Ф. Р.–116. Оп. 1. Д. 60.
15. ЦГАСО. Ф. Р.–116. Оп. 1. Д. 61.
16. ЦГАСО. Ф. Р.–116. Оп. 1. Д. 63.
17. Якунин В.Н. История Самарской епархии. Тольятти: Изд-во ПВГУС, 2011. 625 с.

*P.A. Mistryugov**

**SOVIET POWER AND SAMARA DIOCESE
OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN 1918–1922**

In the article the evolution of protests of the clergy from open political demonstrations against Soviet rule in 1918 to moderate resistance for social and economic reforms in 1919–1922 is described; the methods of church policy of Soviet government are shown and the role of GPU in the split of Samara diocese is revealed.

Key words: Samara diocese, Komuch, hunger, progressionists, GPU.

* *Mistryugov Pavel Alexeevich* (Pavel892006@yandex.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.